

что перед горем и смертью все равны, перед ними нет начальников и подчинённых, солдат и генералов, что чины и званья тут ни при чём. Прикрыв глаза желтоватой ладонью, комдив с минуту стоял, как бы силясь вспомнить что-то, потом, ещё раз бесцеремонно оглядев лётчика с головы до ног (Рапохин готов был поклясться, что на какую-то долю секунды взгляд его задержался на финке), тихо, но тем же жёстким голосом спросил:

– Вы её знали?

– Я её любил, генерал.

Когда Рапохин вскоре выходил из дома, оставив в изголовье у Наташи,

как последнее «прости», финский нож с наборной рукояткой, комдив придержал его за локоть и голосом, вовсе не свойственным ему, проговорил негромко:

– Вы знаете, лейтенант, а ведь второй раз она могла б и не лететь...

Подобная откровенность человека, изо дня в день хладнокровно, казалось, посылавшего полки и эскадрильи на смерть, изумила бы каждого, но только не Рапохина.

– Знаю, генерал, – ответил он. – Короткая спичка. – И, одним махом сбегав с крыльца, торопливо зашагал на стоянку самолётов, на которой уже всю надрывались моторы.

Такие писатели не умирают

вместо послесловия

Юрий Белостоцкий в годы Великой Отечественной войны в составе 7-й воздушной армии участвовал в боях на Северо-Западном и Карельском фронтах, за мужество и отвагу награждён орденами и медалями. Он летал на пикирующем бомбардировщике «Пе-2», который в войсках прозвали «пешками» и который, как известно, производился в Казани.

Ветеран войны рассказывал мне: «Когда подходил к самолёту для боевого вылета, всегда здоровался со своим двухмоторным другом и говорил: «Ну, казанец, не подведи!» Как знать, может, «казанец», который не подвёл, в итоге и позвал его на свою родину – в Казань. Подсознательно, по доброй памяти, так сказать. Что скитаться-то демобилизованному фронтовику по городам и весям страны!

Память о казанской «пешке» у Юрия Вячеславовича была и в самом деле добрая. И повоевал на этом штурмовике, и жив остался. Самолёт ведь для лётчиков той войны был вообще существом одушевлённым, настоящим боевым другом...

А вражеские истребители – заклятыми врагами. И тоже очень даже живыми. «Мессершмитты» заходили на новую атаку... Почти под углом девяносто градусов неожиданно вынырнув... по-щучьи резво и игриво,

будто из глубины за наживкой. Качнув крылами и показав бледную чешую животов, они сразу же нацеливались на флагмана...»

Это как раз из его рассказа «Короткая спичка».

Военный лётчик Белостоцкий на себе испытал повадки этих «щук». Он прекрасно знал их хищный нрав. Но и не хуже знал, как они клюют носом и отвесно, точно «сорвавшаяся с крючка рыба», ныряют под «пешку» и безвозвратно исчезают.

Для его однополчан война закончилась в 1945-м, а для Белостоцкого она продолжилась до конца жизни – в его рассказах, повестях, книгах. Он стал писателем.

Обосновавшись в Казани, Юрий Вячеславович работал в редакции газеты «Советская Татария», а после, с 1969 по 1976 год, – литературным консультантом Союза писателей республики по русской литературе.

Я познакомился с ним в феврале 1982 года, когда сам стал литконсультантом СП. Точнее, с ним и его семьёй. Он был женат на внучатой племяннице Габдуллы Тукая – талантливом архитекторе и красавице Альфии Хусаиновне. У них был прекрасный сын – десятилетний Владимир, удивительно споро тянувшийся ростом за высоченным отцом.

К тому же я оказался его соседом, наши дома на улице Декабристов стояли рядом.

1982 год был знаменателен тем, что в апреле писателю Юрию Белостоцкому исполнялось 60 лет. В те годы такие юбилеи русская секция СП не пропускала. Мне было доверено заниматься юбилейными хлопотами...

В то же время в Москве, в издательстве «Современник», вышла в свет его объёмистая книга повестей и рассказов «Прямое попадание». Он размахисто подписал её мне. Я проглотил сборник за пару дней (и ночей)

и опубликовал своё мнение в республиканской молодёжной газете под заголовком «Прямое попадание Юрия Белостоцкого». Материал получился весьма кстати – на носу было к тому же 23 февраля. Тем не менее Юрий Вячеславович немного обиделся на меня. Дело в том, что я не поставил под рецензией своё имя, а подписался псевдонимом «А. Мухин». Зачем я это сделал, теперь и сам не пойму.

В то время он уже болел. Однако дружба наша успела завязаться. Краткая, но живая, душевная, без скидок на значительную разность в возрасте, на различие жизненного и литературного опыта.

Мы встречались то у меня, то у него дома. Альфия Хусаиновна не препятствовала нашим встречам, хотя порой мы и засиживались чрезмерно...

В октябре следующего года его не стало.

Но вот листаю его книги, читаю... и будто слышу его голос, будто и не читаю вовсе, а слушаю неспешные, с долгими паузами, рассказы и ещё раз убеждаюсь – нет, писатели такого полёта, как Юрий Белостоцкий, не умирают.

Ахат Мушинский